

УДК 1(091)

О ХАРАКТЕРЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ РЕФОРМ (статья 2)

В.В. Ильин*, А.В. Тимофеев, В.А. Никитин***,
Э.И. Шайсултанова*****

*ГБОУ ВО «Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана», г. Москва

**ФГБОУ ВО «Самарский государственный аэрокосмический университет им. академика С.П. Королева (национальный исследовательский университет)», г. Самара

*** Набережночелнинский институт (филиал) ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Набережные Челны

Реформы в России ... Почему в национальной истории они неизменно венчались контрреформами? Явные и тайные пружины российской модернизации; традиции социальной конфликтности; политический парадокс: сочетания автократии с демократией; характер и направления современного социально-политического обновления, – таковы сюжеты статьи.

Ключевые слова: реформы, контрреформы, социальный кризис, модернизация.

Преодоление типично догосударственного состояния, когда в неналаженности правового диалога «правительство–общество» из подспудья влияют произвольные факторы (пусть они будут хотя самыми высокими ценностями типа «земля», «воля», «правда»), видится в направленном дрейфе к институциональности. В противном случае время затеряется на пространстве России. Страна будет ввергнута в идею всеобщего восстания провинции против центра.

Тацит, рассуждая о войне хаттов с херусками, высказывал мысль, что ресурсы империи не могут служить варварам. В национальной колонизации сделано много ошибок, но преступно усугублять их сегодня прямой поддержкой воюющих с центром периферий. Их надо втягивать в цивилизационный процесс с применением дифференцированного политического регламента и регионального хозяйственного расчета.

– Мессианиззм. «Все великие и творческие нации в истории, – уточняет С. Булгаков, – имели и имеют свое особое самосознание в этом выражается их “национализм”» [3, с. 352]. Наш отечественный национализм – безотчетная, вдохновенная вера в «бога», «царя», «героя». Россия – страна упования, которое, подтачиваясь в обстановке «кризиса правды», ввергало народ в смуту. Подоплека всех без исключения российских кризисов – ценностная.

Как отмечалось выше, христианство сыграло незаурядную роль в державной консолидации славян, но дискредитировало предметы их исконной веры. На Западе боролись с христианством, у нас – за христиан-

ство. Этим все сказано. Первый фронтальный кризис славянской культуры – кризис собственного многобожия. Затем – церковные расколы, петровская секуляризация, большевистская атеизация. В массе народ лишился религиозной веры. Далее – кризис «царства»: смутное время. Государство превратилось в антинародную силу. Вера в него подменилась суеверием. Русские, акцентирует С.М. Соловьев, теряют политическую веру в Москву, верят всем и всему [12, с. 450]. Держава, кажется, гибнет – аннексия, оккупация. И вдруг. Что? Спасают герои: «Начинают пробуждаться силы... национальные, идущие на выручку гибнувшей земле» [7, с. 56]. Окончательный крах «царства» – Кровавое воскресенье 9 января 1905 г., после которого дни российской монархии были сочтены. Потом – банкротство «героя» в виде затяжного, непременно драматичного разоблачения, развенчания сотворенных кумиров. Кумиров на Руси нет более.

Упомянутые кризисы сильны, остры, глубоки, однако частичны. Это кризисы объектов веры. Но разыгрался в стране трудно переживаемый кризис веры как таковой. Суть его – в духовном провале идеи Москвы как Третьего Рима, которая подавалась не как вероучитель но как «проявление царского могущества, мощи государства». Третий Рим складывался то как Московское царство, то как империя, наконец, как Третий Интернационал [1, с. 50].

Крушение одного, и второго, и третьего лишило народ святынь. Утратив веру божескую, он не обрел веры светской. Для апологов самобытной православно-почвенной идеи России это – катастрофа. Для нас это – конец утопического реализма. Расставаясь с мессианством (внутренним и внешним), пора становиться быть «как все»: жить по праву и национальному величию.

– Ретардация. «Европа, – утверждает Белль, – шла и будет идти от ренессанса к ренессансу». В России же – сплошь и рядом замедление и возвращение державного хода. Европейские реформы кумулятивны, отечественные возвратны. Примечательна деталь: многие, казалось бы, решенные навечно в истории проблемы приходится решать вновь. Лишь несколько взятых почти наугад тому подтверждений.

Социальное представительство: пульсация думско-советского принципа. Древний думский статус представительских выборных законосовещательных (Государственная дума) и самоуправленческих (городская дума) учреждений с марта-апреля 1917 г. замещается советским (стихийно возникшие, затем инспирируемые большевиками советы либо вводили своих представителей в думы, либо распускали их). Тот, в свою очередь, с 1993 г. уступает место думскому (упразднение советской формы с октября 1993 г.).

Державостроение: пульсация уездно-удельного принципа. Отвечающее логике державности уездное начало вводит территориально-губернскую основу внутреннего устройства России. Согласно с конь-

юнктурной логикой борьбы и условий удельное начало внедряет национально-территориальную архитектуру российского государственного тела. Исстари, всенепременно удельная фаза провоцирует хаос, беспорядок, тогда как уездная фаза – порядок, организацию. Удельный строй утверждается с Всеволода, в противоположность бывшему княжению по роду учредившего вотчинный порядок, децентрализацию. Уездный строй утверждается с Ивана III и Василия III, трудившихся над централизацией. В Смутное время с кризисом государственности преобладала удельность; в имперский момент превалировала уездность. Сугубый импульс подрыву уездности сообщили большевики, принявшие абсолютно порочную установку (ими самими никогда не воплощенную) на национально(этно)-государственное самоопределение. Если в добольшевистские времена активизация удельного начала может быть синхронизирована со 100-летним интервенционистским циклом: 1610 г. – Смутное время; 1709 г. – Северная война; 1812 г. – Отечественная война; 1905 г. – Русско-японская война (ошибается Ключевский, говоря: «...война с благополучным исходом укрепляла сложившееся положение, политический порядок, а война с исходом непристойным вызывала общественное недовольство, вынуждавшее у правительства более или менее решительную реформу, которая служила для него своего рода переэкзаменовкой» [8, с. 190]). На фактуре приведенного цикла проступает: война с любым исходом, *volens-nolens* ослаблявшая государственность, подготавливала скачок в удельную фазу, в постбольшевистскую эпоху впадение в удельность искусственно инициировано вспышками окраинного сепаратизма. Государственно-исторический циклизм – функция не временная, а факторная. Большевики сбили факторный ритм (производный от интервенций с последующим подрывом государственности), поставили реставрацию удельности в зависимость от спонтанных деструктивных выбросов национализма.

Федеральный регламент. Соотношением центрального (федерального) и местного управлений озабочивался еще проводивший земскую реформу Иван IV. Он сделал ставку на развитие не местного самоуправления, а на централизованные рычаги руководства, отдаваемые выборным с мест. Петр I и Николай I усиливали этакратизм, укрепляли центральное государево наместничество. Александр II развивал полномочия местных (земских, городских) инстанций, которые были урезаны Александром III... За всю историю мы так и не отработали ни центрального, ни земского механизма. Центрального, потому что местные органы власти зачастую действуют самостоятельно, безотчетно. Местного, т. к. выборные периферийные власти во многом ведут не местные, а общегосударственные дела по указаниям (и без оных) и под надзором (и на свой страх и риск) центрального правительства [6, с. 345].

Не навели порядок в этом деле и безалаберно властвовавшие большевики, полагавшиеся на инициативу то своих ставленников

(эмисаров, комиссаров, уполномоченных), то классово родственных окраинных элементов (комитеты, советы).

Национальный вопрос. Распад империи, суверенизация окраин издавна ведет к всплеску межнациональной розни. После октября 1917 г. декларировало независимость Закавказье. Начались усобицы Грузии с Осетией, Абхазией, Аджарией, которым отказано в праве на самоопределение; Армении с Грузией из-за территориальных претензий; Армении с Азербайджаном из-за Нагорного Карабаха, Нахичевани. С возвращением в 1922 г. в СССР, который в урезанном виде воссоздал Россию, конфликты были погашены.

Пикировки националистических и пророссийских группировок в республиках порождали внутренний хаос, прямое квислингианство. На Украине с начала 1919 г. после бегства в Германию гетмана Скоропадского власть взяла Директория во главе с Петлюрой и Винниченко, которая не преминула (нота от 27 февраля 1919 г.) отдать страну под протекторат Франции. В конце 1918 г. в Эстонии и Литве, а в начале 1919 г. в Латвии сформированные советские организации высказались за федеративный союз с РСФСР. Однако параллельные им буржуазные органы обратились к Антанте, Польше, Германии за военной помощью. После оккупации Прибалтики немцами и белополяками с советскими, пророссийскими настроениями было покончено.

Есть ценности превыше частной деятельности. Ими являются права, статус этнических русских в республиках. Этнические русские – естественные ставленники метрополии, социально-политическим положением которых на окраинах (колонизированных перифериях) жертвовать недопустимо. Тем не менее дискретационная практика такого рода – норма. И финал ее всегда – трагический. Россия (империя) создавала и поддерживала государственность в республиках по космополитическому признаку. Националистический элемент – по этническому. Этнические русские либо выдавливались с национальных территорий, либо погружались в нетерпимую среду бытового шовинизма. Как бы там ни было, колонизация состоятельна, если связана с этнической импортиацией из метрополии. Укреплению многонациональной теллурократической метрополии противопоказана инициация госстроительства в национально гомогенных районах. Опыт свидетельствует: империя заходит в тупик, когда не имеет поддержки русских анклавов на местах. Надо всемерно наращивать, укреплять метропольную диаспору. Страновое тело России возникло как результат сухопутной колонизации. Скрепляющий обруч ее – этнические русские. Где они сильны – сильна держава, где слабы – забиваемая чертополохом национализма государственность.

История, увы, наших политиков не учит. По однотипному сценарию шло отпадение от России прибалтийских частей в послереволюционные дни 1917 и 1991 гг. По сходным схемам идет обострение респуб-

ликанских проблем в монархической, большевистской либерально-демократической России.

Геополитика. В отличие от политических геополитические компромиссы неоправданны, недопустимы. Ярослав Мудрый, Иван IV, Петр I, Екатерина II, Николай I, Александр II решали проблему обретения великой державой права на акватории: велись северные войны, предпринимались азовские, крымские походы. Необходимо строить терминал в Кронштадте, реконструировать Архангельский порт, через Польшу пробивать шоссейный коридор в Калининград.

При культивации СССР всегда забывали: административное внутреннее деление не изоморфно делению государственному. В ходе перекраивания, переподчинения территорий ни у кого не возникало и тени завиральной идеи о превращении Украины, Балтии, Казахстана в лимитрофные зоны. По закону 3 августа 1940 г. о включении Литвы в состав СССР п. 2 оговаривает передачу ей 6 белорусских районов. Хрущев «поднес» Украине Крым. Исторически не имевший государственности, никогда не проводивший делимитации Казахстан получил многие российские земли. Тарту (Юрьев) отошел к Эстонии. Как будто не было Ништадтского мира, Потсдама, Хельсинки. С 1991 г. в России вообще утрачена генеральная геополитическая линия.

Обобщение назидательных фактов отечественной истории позволяет вычленивать пульсацию политического – геополитического принципа. В политической фазе с кризисом центральной государственности идет сдача пространственных (территории, акватории) богатств. В геополитической фазе предпринимается пространственный реванш – собиравание земель вокруг крепнущей центральной государственности.

Хозяйство. Никакая реформа не идет до конца. Начинаясь, останавливается, корректируется, отменяется. Все буксует, через какой-то срок требуя нового исполнения. Так было с освобождением крестьян, аграрной реформой, введением хозрасчета. Так было едва ли не с наиболее удачной нашей реформой – НЭПом. Размышляя над советской реальностью 1920-х гг., проницательный Устрялов писал: «НЭП имманентно нуждается в углублении, а его теснят и сокрушают... Либо нужно продолжать и, следовательно, расширять его, ставя... на частную заинтересованность и личную предприимчивость в деле воссоздания народного хозяйства, либо приходится понуждать население к новым жертвам, взывать к его революционному долгу, перестраивать всю систему на военно-подобный лад. Иначе говоря, – либо неоНЭП, либо решительное антибуржуазное наступление» [14, с. 7]. НЭП, как мы помним, был свернут, едва начавшись, что вовсе не отменило необходимости возвращения к нему с огромной темповой потерей в начале 1990-х гг.

Отношение к традиции. Национальные корни, где возможно, обрубаются, преемственность подрывается. Россия – благодатная почва политического, культурного декаданса, авангарда, модерна. На крестьян-

нах держалась Русь – их бесконечно ломали, изводили, разоряли. Вначале крепостничеством, затем политикой неперспективных сел. Выразивших миропонимание, умонастроение патриархальной толщи страны крестьянских поэтов подвергали остракизму. Поэзию Есенина любимец партии «Бухарчик» трактовал не иначе, как «смесь из “кобелей”, “икон”, “сисястых баб”, “жарких свечей”, березок, луны, сук, господ бога, некрофилии, обильных пьяных слез и трагической пьяной икоты». Мейерхольд предлагал вдарить «Октябрём по театру», и пострадал. С места на место переносили столицу из домостроевской Москвы в европейский Санкт-Петербург (1712 г.) и обратно (1918 г.) по решению IV Всероссийского чрезвычайного съезда Советов. Переименовывали города, улицы и... возвращались к исходному.

Причина «ретарде» – не метущаяся страстность национальной природы, а неправовой строй, непоследовательность. В результате бесправности не возводятся в норму приобретения, завоеваниям не сообщается закрепленного законом статуса. В результате половинчатости отсутствует окончательная, полноценная воплощенность, завершенность создаваемых форм. Акции буквально дублируют друг друга, вызывая возвратные циклы, пульсации.

В России правит не закон, а воля; личностные усмотрения нарушают заведенный порядок вещей. От всего этого нужны гарантии. В виде законосообразных легитимных форм – правовых, универсальных устоев. Казахстан, Грузия, Армения, Украина бежали от внешних угроз под опеку России. Россия брала их под патронаж, несла издержки. Надо придать ситуации законообразный и необратимый характер. Кто нарушит закон, – преступник. Подсуден, караем. У нас же – не правовая договоренность (сказывается отсутствие регистрационной системы), а добрая воля.

Последняя в атрофии рычагов права при подходе к государству как вотчине субъекта власти превращает державу в государство персонификатора власти, а не народа. Оттого в ущерб национальным интересам практикуется одиозная волюнтаристская обратимость.

– Затратность. Реформы и откаты от них не оптимальны, связаны с неоправданными издержками, идут со сверхнапряжением, влекут насилие, перевоспитание народа, культивируют на национальной nive чужеродные заемные идеалы. В результате Петровских реформ Россия возведена в ранг европейских держав, но ценой разорения страны: налоги возросли многократно, потеряно 20 % населения. В годы царствования Николая I при радикальном отказе от либеральных александровских начинаний с 1826 по 1850 г. имело место 576 антифеодальных выступлений. Страна требовала преобразований. Первое лицо государства на них не отваживалось. За начало правления Александра II с 1856 по 1860 г. произошло 300 выступлений крестьян. Народ выстрадал реформы, о чем заявлял решимостью действий. Царь-вольнодумец пошел на нововведения, но по вине обстоятельств не воплотил намеченного. Реформа Сто-

лыпина встречена в штыки патриархально настроенным крестьянством, противящимся социальной дифференциации, развалу уравнительности. За 1918 г. – первое полугодие 1919 г. отмечено 340 крестьянских восстаний. Цифры, факты впечатляющие.

Наблюдается закономерность; чем более кардинальна революция, чем более бескровна, тем большую последующую угрозу для жизни народа она представляет. Петровское обновление России связано с массовой гибелью людей. Но оно растянулось на 35 лет. В октябрьский (1917 г.) переворот убито 6 человек. Затем – Гражданская война, в ходе которой (с учетом и потерь от Первой мировой войны) утрачено примерно 1/4 национального богатства страны (от уровня 1913 г.). В августе 1991 г., по роковому стечению обстоятельств, непреднамеренно погибло 3 человека. После – депопуляция народа как целого.

Мандельштам говорил о Хлебникове: поэт, он не знал что такое современник. Таково суждение литератора о литераторе. Один, живущий вечным, высказывается о другом, к вечности причастном. Однако «вечность» в смысле отрешенности от современности не может быть кредо реформатора. Реформа поглощена жизненным, сиюминутным. По сути своей она рассчитана на современников, живущих настоящим.

Реформам противопоказаны:

а) деструктивность: хочешь обновлять, не разрушай, а обихоживай. Отечественная же реформация идет согласно правилу: хочешь разбогатеть, не прибавляй богатства, а избавляйся от желаний. Финал наших модернизационных починов – безмолвие города, только что занятого неприятелем;

б) революционность: порок революций – прерыв времен, гражданских фаз, поколений. Революция толкует наличный актив гражданственности как грязь и пыль на дороге, бревна и камни под колесами. В результате, перефразируя Герцена, – ситуация Кустода, указующего на пустую стену, разбитое изваяние, выброшенный гроб и повторяющего: «Все это сотворено во имя, на благо народа»;

в) непатриотичность: держава – не хворост на костер; реформа – не способ обрывать связи со своим народом. Патриотичность превозмогает конъюнктурность, классовость. Наши же «кочевники революции» (Троцкий) – космополиты, лица без национальности, прошлого (красноречива мысль Мехлиса: «Я не еврей, я коммунист») – готовы жертвовать всем и вся во имя «предусмотрительной неизбежности», которая есть истинный источник человеческих бедствий. Как контрастирует с тем же большевистским «превратить войну империалистическую в войну гражданскую» национальное оборончество Генерального совета интернационала, который во время оно предостерег французских рабочих от выступления против собственного правительства. В обращении говорилось: «Всякая попытка ниспровергнуть новое правительство, тогда как неприятель уже почти стучится в ворота Парижа, была бы отчаян-

ным безумием». Прежде интересы страны, затем – все прочее. Раз и навсегда надлежит покончить с иллюзиями и исходить из того общества, которое есть, из того состояния народа, которое реально.

Ограниченность не в том, что утверждается, а в том, что отрицается. Давно пора согласовывать реформационные действия с консенсуальными решениями, а не с понятием неизбежности изменений, якобы вскрываемой «передовой» теорией. Следует озабочиваться ценой достигаемого; реформа отныне не может быть очередной «таблицей умножения трупов».

Предубежденность народа к реформам. Синдром подозрительности общества к власти – расхожий признак отечественного сознания. В штыки, неприятием традиционно встречаются правительственные почины. Даже успешные, значительные. О Петре I шла молва в народе, что царя Русской земли за границей подменили; страной правит антихрист. Александра II буквально преследовали народовольцы, подстрекаемые сочувственным отношением масс. Столыпина одни (монархисты) считали дьяволом во плоти (следствие восприятия антипатриархальной земельной реформы), иные (от революционных радикалов до умеренных либералов) – царским сатрапом. Абстрактного гуманиста Керенского не выносили на дух и революционеры, и монархисты. Хрущева превратили в недоразумение, ходячий анекдот. Горбачева и демократы, и коммунисты единодушно считают предателем.

И всегда, во всем усматривают корысть, тягу к роскоши, славе, величию, осуждают за потрясения, бедствия.

Причины столь тенденциозных, пристрастных оценок многообразны. Здесь:

а) неоднозначные действия самой власти, не «управляющей державу и не спасающей душу»;

б) этнопсихологические особенности населения – коллективистски-конформистского по своей исторической сути. Отечественный индивид не атомарен (в силу атрофии начал собственности и демократии), а общинно-обществен, судит, принимает решения не обособленно, а с оглядкой на социальное целое. Он подвержен суггестии, некритичным групповым представлениям, по которым «вдвоем лишь привидение и увидишь». Отсюда в сознании обывателя, всегда ущемленного, недоверчивого, случается все, кроме того, что должно случиться;

в) сакральная (идеократическая) всесильность власти, функционально нерегламентированной. (В демократическом обществе, как известно, организация функций власти составляет компетенцию публичного права. Ввиду атрофии последнего в России организовывалась власть, а не её функции.) Для подобной власти, если шляпа не налезает на голову, значит виновата голова. Иван IV создал почти безумное государство; Петр I преобразовывал его в «регулярное»; Николай I – в «подконтрольное»; Александр II – в «конституционное»; Александр III

развевал иллюзии «увенчания здания». Относительно цивилизная политически легальная плюральная жизнь началась с вынужденного Манифеста 17 октября Николая II; была свернута в годы послереволюционной реакции, Первой мировой войны и затем окончательно прервана большевиками в январе и июле 1918 г. Монополия единодержавия государства, следовательно, подрывалась в мизерный (по масштабам истории) период с 1905 г. (с перерывами) по 1918 г. Далее – убранство политики составляли авторитарные и тоталитарные аксессуары.

Большинство гражданских, политических дверей открывалось у нас не ключами, а лбом – сверхцентрализованная страна жила верховным указом. Подобная ситуация обнаруживала внутреннюю неорганичность. Как отмечал Столыпин, «государство может, государство обязано, когда оно находится в опасности, принимать самые строгие, самые исключительные законы, чтобы оградить себя от распада... Бывают... роковые моменты в жизни государства, когда государственная необходимость стоит выше права и когда надлежит выбирать между целостностью теорий и целостностью общества ... Такого рода временные меры не могут приобретать постоянного характера; когда они становятся длительными, то... теряют свою силу... могут отразиться на самом народе, нравы которого должны воспитываться законом» [13, с. 74–75].

Отсутствие закона, беззастенчивость власти, бесправие граждан подвели к тому, что не только реформа меняла страну, но и страна – реформу. Предубежденность народа к реформам – результат подозрительного отношения народа к власти. Если власть тотальна, всемогуща, безмерна, она ответственна за все и вся. И конечно, за многие, сугубые народные беды. Неспособность и невозможность простить власти страдания питали (и продолжают питать) желчное отношение населения к правительству.

Итак, возвращаясь к ранее высказанной мысли, акцентируем вновь: российское общество расколото, но причины этого не преформичны. Полагаем, что заблуждался И. Ильин, упоминая в схожем контексте онтогенетическую «славянскую тягу к анархии», «дыхание Азии» [4, с. 316]. Российский этнокультурный тип многомерен. Был тут Белинский с его неумно-страстным: «Тысячелетнее царство Божие утвердится на земле не сладенькими и восторженными фразами идеальной и прекраснородушной Жиронды, а террористами, обоюдоострым мечом Слова и дела Робеспьеров и Сен-Жюстов». Но был и Хомяков, увещевающий: «Русская земля предлагает чадам своим, чтобы пребывать в истине, средство простое и легкое неиспорченному сердцу: полюбить ее, ее прошлую жизнь и ее истинную сущность, не смущаясь и не соблазняясь никакими случайными и внешними наплывами, которых не мог избежать никакой народ новой истории, создавшей неизвестное древности общество народов». Так как превозносить одно в ущерб другому было бы во всех отношениях опрометчиво, причины антиномичности, поляризованности на-

шей реальности следует видеть в другом. Мы, как утверждалось, видим их в несимфонийности. Российское общество несимфонийно – негармонично, несопряженно, расколото по азимутам:

– *власть–интеллигенция*: поэт в России больше, чем поэт. В июне 1378 г. Киприан направил С. Радонежскому и Ф. Симоновскому критическое послание в адрес власти. Далее – яркие пикировки А. Курбский – И. Грозный, А. Пушкин – Николай I, ученые – сталинская бюрократическая камарилья, творческая интеллигенция – Хрущев, усиливающие оппозицию царь – человек умственного труда и плодящие диссидентов и изгоев.

За время первой, второй и третьей революций Россию покинуло 2 млн интеллектуалов. За годы сталинщины непоправимый ущерб нанесен отечественной науке. Ограничимся перечнем пострадавших выдающихся генетиков: Д. Сабинин доведен до самоубийства, С. Четвериков уволен, С. Ардашников, В. Александров, С. Левит расстреляны, Я. Глембоцкий, Н. Соколов, Б. Сидоров, М. Камшилов, Е. и Б. Васины, Ю. Керкис, Р. Хесин отправлены в провинцию, В. Немчинов снят с поста, А. Жебрак покаялся, но остался без работы, И. Рапопорт сдал партбилет, подвергся остракизму (его труды жгли в 1948 г.), В. Эфроимсон угнан по этапу:

– *правящая элита–культурная элита*. Честное без приятного – ничто. Глубину этой истины на своем опыте постигали многие и многие деятели культуры, чья жизнь и творчество шли под аккомпанемент жандарма Бенкендорфа и теоретика официальной парадности Уварова, автора «чугунного» цензурного устава Министра просвещения Шишкова и Министра внутренних дел Толстого, о котором Катков говорил: имя Дмитрия Толстого «само по себе уже есть Манифест и программа», безликих «применившихся к подлости» (Салтыков-Щедрин) заштатных сов и партчиновников от Фурцевой, Демичева до Ермаша и Трапезникова;

– *правительство–народ* (вертикальный разрез): противостояние верхов и низов, выражающееся в специфическом синдроме взаимозачуждения на базе взаимонедоверия, взаимоподозрительности относительно способности делать добро, а не делить его. Правительство не щадит народ – о затратности отечественных реформ речь шла выше. Констатируем лишь, что за 1994–1995 гг. реформы в стране погибло 360 тыс. человек – население среднего города. Народ правительству платит той же монетой симптоматичные для Руси мятежи, бунты, тенденции в обход закона жить незаработанным (чего стоит одна совнелегальность);

– *центр–окраины* (горизонтальный разрез): геополитическая дезинтеграция как следствие усиления центробежных процессов, оживления окраинного национализма и сепаратизма. Обострение этого противоречия совпадает с дискредитацией центра при вхождении в политическую (удельную) фазу странового развития, когда влияние внешних условий порождает характерную процедуру сдачи пространства в обмен

на укрепление центральной власти. Принцип А. Невского «власть – любой ценой» – камертон политической практики как коммуниста Ленина, так и демократа Ельцина. Крайности сходятся;

– *цивилизация–почва*: стержневая антиномия отечественной жизни, принимающая многообразные культурно-идеологические формы. Отметим:

а) церковный раскол XVII в. – выступающий за самобытность традиционного религиозного культа Аввакум – сторонник обновления литургии Никон; помимо конфессиональной вражды (старообрядчество – новообрядчество) Никон, выдвинувший лозунг «священство выше царства», спровоцировал разрыв патриаршей и монаршей власти;

б) допетровская – петровская Русь как два смежных периода и два враждебных склада нашей истории [5, с. 363]. Петровская европеизация аналогична владимирской христианизации Руси – и там, и здесь, по выражению Б. Успенского, «насильственное обучение». Однако «драматизм христианизации не идет ни в какое сравнение с драматизмом и даже трагизмом европеизации. Во втором случае общество буквально... раздвоилось, оказавшись в состоянии войны – отчасти социальной и прежде всего идеологической» [10, с. 50]. Держава после Петра представляла два типа организации. Первый – «многомиллионная, в основном крестьянская, масса, находящаяся в крепостной зависимости или у помещиков, или у государства. Этот “склад” вплоть до конца пореформенного периода хранит в себе “заветы темной старины”. Он прочно укоренен в средневековой культуре Руси. Буквально все отличает его от другого главного “склада” русской истории XVIII–XIX вв.: отношение к жизни и смерти, времени и пространству, труду и досугу, любви и семье, власти и собственности, праву и морали. Второй “склад” включал в себя европеизированные верхи России: аристократию, дворянство, чиновничество... и некоторые иные социальные группы. Его отличительные черты – относительная неукорененность национальных традиций, в значительной мере искусственный и насильственный характер формирования, ориентация на европейское просвещение и стиль жизни» [11, с. 62–63].

в) верующие – атеисты: в зависимости от содержания, интенсивности времени (начиная с XVIII в.) то обостряющееся то притупляющееся противоборство религиозных и светских ценностей;

г) умеренные – радикалы: внутренне дифференцированная стратегия социального устройства, дробящаяся на оппозиции «консерваторы – либералы», «контрреволюционеры – революционеры», «традиционалисты – новаторы», «коммунисты – беспартийные (“враги народа”)), «апологи – диссиденты», «прозелиты – отлученные», «патриоты – космополиты».

Разной степени глубины, охвата, проникания, интенсивности расколы, естественно, содействуют коррозии российского державного тела. Но такова реальность. От нее не уйти. Наследие, традицию можно и нужно критиковать, но от них нельзя отказываться. Ни один человек

не волен выкупить свое прошлое. Тем более этого не волен сделать народ. Так как, не выкупая прошлого, строить жизнь дальше? Постановка эквивалентна для нас перспективе созидания нераскольной органической жизни. Приемлемую программу, на наш взгляд, составляет принятие стратегии *omnia sponte fluant, absit violentia rebus*. Наша самобытность очевидна. Ее не надо ни избегать, ни стыдиться, ни деформировать. Надо жить в согласии со своей историей. «Каждый народ творит то, что... может, исходя из того, что ему дано. Но плох тот народ, который не видит того, что дано именно ему, и потому ходит побираться под чужими окнами» [4, с. 327–328]. Есть предел социальной универсализации, который диктуют императивы почвы.

Здравомысленное соображение необходимости координировать ход устроения со специфичностью российской действительности навевает систему суждений, обозначающих добротные координаты ожидаемого развития.

Российские кризисы всегда ценностные, связаны с утратой цивилизационной идентичности. В науке пока не выработаны четкие критерии «цивилизации». Выделение их во многом носит вкусовой характер. Не претендуя на строгость, скажем, что цивилизация, будучи образованием ландшафтным, представляет социально-культурную общность с принятыми универсальными способами регуляции и воспроизводства субъективности. Задавая ценности развития, цивилизация обеспечивает прогресс форм субъективности в пространстве и времени, имеет историческую, сверхэтническую, надсоциальную значимость.

Универсальность состояний цивилизационных ареалов, сверхобщностей достигается принятием капитальных ценностей. Ставя во главу угла традицию, жизнь по заветам предков, получаем Восток как цивилизационную суперсистему. Востоку свойственны статичность воспроизводственного процесса, растворение личности в целом (семья, община, государство). Центрируя либерально-правовое начало, индивидуально гарантированную интенцию жить лучше, получаем Запад как цивилизационный эквивалент Востока. Западу присущи динамичность воспроизводственного процесса, личностная атомарность (тенденция повышать эффективность всех форм деятельности для полноты самореализации личности в социуме).

В любой стране есть нечто и от Запада, и от Востока, но есть господствующее, что а) интегрирует политохорологические единицы в некий цивилизационный ареал (ценностные универсалии) и б) дифференцирует политохорологические единицы по цивилизационным ареалам (ценностные уникалии – долг, ритуал, вера, благочестие, совершенствование, пути спасения). В трактовке цивилизационного статуса России просматриваются три позиции.

Россия – арена столкновения Западной и Восточной суперцивилизаций, что и составляет глубинную основу ее несимфоничности, рас-

кольности. Направление поисков в колее данной линии, действительно, указывает идею державной антиномичности: внедрение западных ценностей идет сугубо нажимными восточными способами. Переход дозволенного (подрыв жизни в привлечении жестких социальных технологий) порождает страновое ретарде, углубляет раскол, борьба с которым ведется интенсификацией репрессий.

Россия – периферия Западной цивилизации. Ее надо вернуть, включить в последнюю, преобразовав собственный историко-культурный код, для чего довести до дна, разрушить – затем, на обломках бесформенности созидать прозападное.

Россия – специфическая цивилизационная общность, где «специфическое» обусловлено историческими особенностями развития. Существенное в том, что в России

а) нет срединной культуры; б) гипертрофированы этатистские механизмы, подменяющие цивилизационные структуры; в) в силу слабости цивилизационных рычагов державной консолидации кризис государства у нас индуцирует кризис цивилизации, влечет онтологическое дробление страны: в наличии не одна Россия, а множество Россий – киевская, золотордынская, московская, имперская, большевистская, современная.

Не входя в полемику с адептами первой и второй позиций и последовательно проводя заявленную «евразийскую» линию, обсудим, на каких ценностях возрождать Россию.

Православие? Исторически слабо, архаично (перестроенная религия, использующая малопонятный старославянский язык). Ислам? Необщезначим. Конфессиональный фактор отпадает, он лишен в России цивилизационного статуса.

Панславизм? Россия – страна не однородно славянская. Кроме того, славяне в настоящий момент разобщены. Отпадает и этнический фактор: Россия многонациональна.

Что остается? Остается идея добротной достойной самодостойной жизни на базе обновленной сильной национальной государственности. Идея эта и консолидирующая и мобилизующая.

На основе подчеркивания евразийской сути нашей державной природы следует переварить доктринеров-реформаторов. Россия – не полигон обмирщения заемных схем. Ни марксистский, ни чикагский проекты нам не подходят. Подходит проект ненасильственного саморазвития, стимулируемого животворными эффектами того, что сулят:

1. Реабилитация жизненного мира. Позитивизм возник как реакция европейской научной интеллигенции на гегельянство и неогегельянство, попытка подвести под утверждения типа «абсолют есть», «абсолют совершенен» верификационистскую платформу. Культуру разделили на три стадии. Приоритет разумности, эффективности, целесообразности отдали последней антиметафизической – научной. Наука – точное, стро-

гое, формально удостоверенное, адекватное знание – казалась панацеей от всех несурзаций концептуального и социального творчества.

На авансцену философской мысли далее выдвинулся Гуссерль, проблематизировавший сциентистские упования: научное знание дереализующе в контексте перипетий жизненного мира. Позитивистским некритическим гиперболизациям науки был положен предел. Наука – обслуживающий, подчиненный инструмент самоценного человеческого существования. Концептуальные штудии, познавательные изыски оправданы лишь с точки зрения первоисточных принципов, абсолютов жизненного мира.

Аналогичную критико-рефлексивную работу надлежит провести в отношении политики. Перед гордым ликом жизни политика, как и наука, не самодостаточна. Жизнь изначальна, отражения жизни (научные, политические) вторичны. Не жизнь идет в кильватере абстракции, а абстракции в кильватере жизни. Для придания жизненности научно-политическим проектам следует подвести под них фундамент человеколюбия.

Практическую реабилитацию обыденности некогда провел протестантизм, противопоставивший долг родового существа асоциальной монашеской аскезе. У нас подобная реабилитация должна иметь правовую направленность. Суть в легитимизации волеизъявления масс. Дело правительства – дело народа, но не героическое, отрешенное архонтово дело. Не светлое «потом», а зыбкое «теперь» – вожделение, объект упований и одновременно воли, действия, модернизационных усилий. Поскольку реформу воплощает народ, лишь он стяжает монополию окончательного вердикта. Жизнь не поту-, а посюсторонний процесс, что часто неведомо доктрине, но всегда ведомо людям. С ними требуется согласовывать решения. Мы лишь тогда преодолеем раскол, когда, перестав спасать избранных, дадим гарантии жизни всем живущим, когда самым высоким чином в государстве будет частный человек «по своим надобностям»;

2. *Усовершенствование национального плавильного котла.* В политике, как и в миру, реальны классические треугольные отношения. Вершинами треугольника, выступавшего предметом самого пристального внимания социологов и культурологов, оказывались Запад–Россия–Восток. Нервом темы являлось уточнение цивилизационного статуса России, стиснутой двумя суперцивилизациями, – насколько она автономна, насколько зависима. Иная треугольная конфигурация – цивилизационное деление на первый (Североатлантический блок), второй (Восточный блок) и третий (развивающийся) мир – итог Второй мировой войны. Развитый (первый и второй) мир фрагментировался на две антагонистические организации, одна из которых (первый мир) импортировала из третьего мира ресурсы, а другая (второй мир) экспортировала в третий мир революцию, сбивая сырьевое донорство первого мира. Нынешняя треугольная фигура представляет отличное цивилизаци-

онное объединение. Мир разделен на Север, Юг и Россию. Если первые два треугольных контура устойчивы: все расчленено на сферы влияния, все подконтрольно, то сложившийся по окончании Третьей мировой, холодной войны мир приобрел зонную, мозаичную структуру, перестал быть контролируемым. Север – развитый мир, Юг – отстойник цивилизации, Россия – балансир между ними. Пикантность в том, что существуют очаги Севера на Юге (Тайвань, Гонконг) и очаги Юга на Севере (черное, желтое гетто, концентрация этнических нелегалов в ультраразвитых постиндустриальных технотронных мегаполисах).

В свете сказанного актуализируется анализ динамики таких этносоциальных суперструктур, как Китай, США, Россия, – геотектонические процессы в их недрах во многом определяют планетарное будущее (вплоть до точек сосредоточения населения, межрегиональных связей). Плавильный котел в Китае работает по принципу ассимиляции, поглощения этносов. В США плавильный котел скоро даст сбой ввиду неспособности переработать усиливающийся наплыв иммигрантов; возможное падение уровня жизни, свертывание патронатных федеральных программ, несомненно, обострит расовые и социальные проблемы. В России плавильный котел испорчен искусственной инициацией государственности в республиках, волюнтаристским дезавуированием итогов исторической колонизации, разгромом славянской диаспоры на местах. Вопрос, как демпфировать центробежность, восстание окраин против центра, имеет простой ответ. Надлежит совместить этническую и державную идентичность на базе нового федерального регламента.

В свое время П. Боранецкий высказал мысль, что овладение естественными закономерностями природы – дело техники, овладение историческими закономерностями – дело политики, овладение духовными закономерностями – дело метаургии [2, с. 220]. Овладение историческими закономерностями сейчас не может идти в отрыве от овладения духовными закономерностями. На софийной метаургии ясно, что обострение национального спроса идет в удельной политической фазе при подрыве державности. Во избежание крайне опасной, затратной, нерациональной этнической формы раскола уместно перевести ток событий в геополитическую фазу. Вандею в России остановит испытанный принцип плавильного котла – имперская тактика вывода в историю окраинных, аборигенных народов с гарантией выживания через цивилизационный патронат и прекращение искусственной инспирации государственности.

Как показывает опыт, наиболее прочные связи для геополитических объединений не идеологические (кризис советской югославской государственности), а цивилизационные – историко-культурные. Цивилизационные связи во внутренних аборигенных регионах налаживает Россия в целом. Порок прошлого в том, что упрочению этих связей препятствовали: а) экстенсивность – Россия не успевала обихоживать колонизируемые пространства, б) возведенная в ранг государственного

принципа большевистская декларация национально-государственного самоопределения.

В настоящем оправданно отказаться от данного наследия прошлого. Экстенсивность как способ хозяйствования безнадежно себя исчерпала. Окончательно обанкротилась и заведомо порочная большевистская национальная тактика. Совершенствование национального плавильного котла связывается, таким образом, как с экономической интенсификацией окраин (укоренение высоких технологий, специалистов, усиление миграционных потоков), так и с легализацией нового федерального регламента, предоставляющего максимум прав и свобод перифериям, но с прекращением концентрации титульных наций в автономиях с перспективой госсамопределения. Только так – цивилизованно и цивилизационно – Россия пребудет нераскольной – единой и неделимой;

3. Вторичная экономическая колонизация бывших союзных республик. Экономическая задача, стоящая перед нами, вполне конкретна: добиться налаживания собственного цикла воспроизводства; создать стимул инвестирования отечественной промышленности; осуществлять индустриальный рост с опорой на внутренний рынок, расширяющийся за счет увеличения спроса на товары производственного и потребительского назначения. Взятые вместе, это стимулирует переход от достигнутого индустриального уровня к структурно новому этапу. Однако, учитывая наш низкий уровень накопления, все упирается в источник капиталовложений. Какие моменты здесь принимать во внимание?

1. Прорывы на авангардных технологических направлениях, прежде всего плазменных, когнитивных, ударно-активаторных.

2. Традиционно высокую норму эксплуатации и низкий уровень заработной платы трудящихся, свернутость социальных программ, конверсию.

3. Крайне выгодный, но почему-то до сих пор неналаживаемый экспорт капитала в сопредельные технологически сопряженные с нами, обладающие дешевой рабочей силой, полубезработные страны. Возможно опереться в этой связи на опыт Японии, стремительно развивавшей (под видом репараций) экспорт капитала в государства Юго-Восточной Азии. В 1955–1956 гг. Бирме предоставлено 200 млн дол., Филиппинам – 550 млн, Индонезии – 223 млн, Вьетнаму – 39 млн. По этим кредитам Япония производила поставки товаров, услуг. Некое подобие экономической экспансии следует развернуть в бывшие республики СССР и республиканские автономии РФ, что позволит: а) поддержать товаропроизводителей, б) разгрузить страну от обузы принимать поступавшую с периферий низкоквалифицированную рабочую силу, в) усилить присутствие в автономиях, на окраинах, подготавливая державный успех в геополитической фазе;

4. Перевод политических технологий на правовой мелиоризм. Реформа – не революция. Ей противопоказано подстегивание, импульсив-

ность. Отмена рабства в США растянулась на 100 лет. Столыпин рассчитывал на отдачу от аграрной реформы через 20 лет. Реформа меняет уклад жизни. Нельзя уснуть рабом, а проснуться свободным. Необходимо изменить бытие, изгнать атавизмы. Революционному нетерпению, скоропалительности, скороспелости, углубляющим недоверие, препятствующим модернизационной практике, противопоставляется временная иерархия, выносливое соподчинение ценностей, позволяющих, не разбивая градусник, снижать температуру, не слагать поэм, а переживать их. Природу побеждают, покоряясь ей. Человеческую неустроенность побеждают устройением существования, последовательными оперативными мелкими шагами, правовым совершенствованием «Не уновлениями, но непрерывностью видов, постоянством правил, постепенным исполнением одного и того же плана устроятся государства и совершаются все части управления, – назидал Сперанский, – продолжать начатое, доверять неоконченное, раскрывать преднамеренное, исправлять то, что временем, обстоятельствами, понуждениями исполнителей или их злоупотреблениями, совратилось со своего пути – в сем состоит все дело, вся мудрость» реформатора (цит. по: [9, с. 333]). Реформа начинается политическими декларациями, а завершается правовыми трансформациями, что и обеспечивает общество от зарождения и усиления раскола на народ и правительство, верх и низ, героев и толпу.

5. Гражданский мир. Кровь не вода, не сохнет. Шанс избежать крови – уважение к эволюции, к которой все мы причастны. «Любите друг друга, – завещал преемникам князь Ярослав, – если будете жить в любви, то Бог будет с вами, если же станете ненавидеть друг друга, ссориться, то и сами погибнете и погубите землю отцов и дедов своих».

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Русская идея // О России и русской философской культуре. М.: Наука, 1990. С. 43–271.
2. Боранецкий П. Основные начала. Онтология творческого мирозерцания, Париж: б.и., 1995. 220 с.
3. Булгаков С. Расизм и христианство // Тайна Израиля. СПб.: София, 1993. С. 352–406.
4. Ильин И.А. Наши задачи. М.: МП «Рарог», 1992. 616 с.
5. Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. М.: Наука, 1983.-415 с.
6. Ключевский В.О. Соч. в 9 т. Т. 2. М.: Мысль, 1989. 448 с.
7. Ключевский В.О. Соч. в 9 т. Т. 3. М.: Мысль, 1989. 416 с.
8. Ключевский В.О. Соч. в 9 т. Т. 4. М.: Мысль, 1989. 400 с.
9. Корф М.Л. Жизнь графа Сперанского. Т. 2. СПб.: Имп. публ. библиотека, 1861. 283 с.

10. Панченко А.М. Эстетические аспекты христианизации Руси // Русская литература. 1988. № 1. С. 50–59.
11. Пивоваров Ю. «Гений блага» русской политики. // Рубежи. 1995. № 6. С. 75–79.
12. Соловьев С.М. История России с древнейших времен: в 18 т. Т. 4. М.: Мысль, 1989. 783 с.
13. Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия: Полн. Собр. Речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906-1911. М.: Молодая гвардия, 1991. 411 с.
14. Устрялов Н.В. На новом этапе. Шанхай: б.и., 1930. 45 с.

ON THE NATURE OF DOMESTIC REFORMS. PART 2

V.V. Ilyin*, A.V. Timofeev**, V.A. Nikitin***, E.I. Shaysultanova****

*MGTU named after N.E. Bauman, Moscow

**Samara State air-cosmic university named after S. P. Korolev

***KF of VFSU, Naberecznye Chelnye

****KF of VFSU, Naberecznye Chelnye

Reforms in Russia... Why were they invariably followed by counter-reforms in the context of national history? The article reveals explicit and hidden springs of the Russian modernization, the traditions of social conflict, politically paradoxical combination of autocracy with democracy, the nature and direction of contemporary social and political innovations.

Keywords: reforms, counter-reforms, social crisis, modernization.

Об авторах:

ИЛЬИН Виктор Васильевич – доктор философских наук, профессор ГБОУ ВО «Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана», г. Москва. E-mail: vvilin@yandex.ru

ТИМОФЕЕВ Александр Вадимович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры ПМ и ВТ СГАУ ФГБОУ ВО «Самарский государственный аэрокосмический университет им. академика С.П. Королева (национальный исследовательский университет)», г. Самара. E-mail: timofeev av@list.ru

НИКИТИН Владимир Аркадьевич – преподаватель кафедры философии Набережночелнинского института (филиала) ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Набережные Челны. E-mail: nizhnekamsk@chulpan.ru

ШАЙСУЛТАНОВА Эльмира Ильдаровна – старший преподаватель кафедры философии Набережночелнинского института (филиала) ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Набережные Челны. E-mail: mir-sh@mail.ru

Authors Information:

ILYIN Viktor Vasilievich – Ph.D., Prof. of the Moscow State Technical University named after N.E. Bauman, Moscow. E-mail: vvilin@yandex.ru

TIMOFEEV Alexander Vadimovich – Ph.D. (Pedagogy), Assoc. Prof. of the Dept. of Applied mathematics and information technology, Samara State air-cosmic university named after S. P. Korolev. E-mail: timofeev av@list.ru

NIKITIN Vladimir Arkadievich – lecturer of of Philosophy Dept., Chapter of Kazan Federal University in Naberezhnye Chelny, Naberezhnye Chelny. E-mail: nizhnekamsk@chulpan.ru

SHAISULTANOVA Elmira Ildarovna – senior lecturer of Philosophy Dept., Chapter of Kazan Federal University in Naberezhnye Chelny, Naberezhnye Chelny. E-mail: mir-sh@mail.ru